Владимир Проскурин

ДАЛИ ДАЛЬНИЕ, БРОДИЛ ГДЕ БРОДСКИЙ...

Для алматинцев горы такая же естественная часть пространства обитания, как, скажем, большая река для жителей Нур-Султана или Санкт-Петербурга, возведенных на берегах водоемов, неспешно перекатывающих волны по равнине. Горы магнитом притягивают даже привычный взгляд, заставляют подняться и идти неизведанными тропами к упирающимся в облака елям, и выше – к ледникам, и дальше – к новым перевалам. Что уж говорить о тех, для кого горы – экзотика и редкая возможность испытать себя. Разница лишь в том, что знакомые с горными походами знают и об их опасности, а новички порой забывают о предосторожностях, о неумолимой строгости природы к беззаботности туристов.

Как бы то ни было, но горных маршрутов вокруг Алматы великое множество – на разный уровень подготовки, разный вкус и с разными целями. Сегодня сюда приезжают бросить вызов неприступным гигантам (а главное – себе) из разных уголков мира: на горной тропе, где принято здороваться с встречными, можно услышать приветствие, наверное, на любом языке. И в десятилетия существования единой Страны Советов по Алатау путешествовали туристы – профессионалы и любители со всех пятнадцати союзных республик, благо ни границ пересекать не надо, ни средств тратить на дорогу немеряно.

В предлагаемом очерке Владимира Проскурина, заслуженного деятеля РК, академика МАИН, профессора истории университета «Туран», писателя-краеведа, рассказывается об одном из таких походов, начавшихся в Алма-Ате. Герой очерка – далеко не рядовой турист. Из Ленинграда сюда приехал с друзьями совсем юный – двадцатилетний поэт Иосиф Бродский с единственной целью – «штурмовать тянь-шаньские просторы». До Нобелевской премии по литературе ему еще предстояло идти 27 лет, а горы – вот они, ждут жадных до впечатлений молодых умов. (Любопытно, что в разных источниках, видимо, с поправкой на личное восприятие, перевод формулировки основания вручения Нобелевской премии звучит по-разному: «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью», «За всеобъемлющее творчество, пропитанное ясностью мысли и страстностью поэзии», «За многогранное творчество, отмеченное остротой мысли и глубокой поэтичностью», что, впрочем, не меняет сути – признания несомненной величины таланта Бродского.)

Что касается описанного похода, то возникает соблазн попытаться умозрительно пройти хотя бы часть пути, каким полвека назад отправились без подготовки, но с энтузиазмом ленинградцы И. Бродский, В. Королев, Г. Восков.

Ближайшей целью их похода был Иссык-Куль, но первая попытка добраться до озера без карт, без проработанного маршрута оказалась неудачной. Подниматься сначала решили по Алма-Арасанскому ущелью, доехав, сколько можно было, на 28-м автобусе. Этот автобусный маршрут, к слову, существует и сегодня – с конечной остановкой у поселка Кокшокы. Направление было выбрано неслучайно: пешие и велосипедные туристы многие годы именно так, через курорт «Алмаарасан», ущелье Проходное и перевал Проходной, выходили в Чон-Кеминское ущелье и оттуда, уже по территории Киргизии, добирались до озера.

Судя по описанию, вверх пошли буквально через леса и горы, а не по короткому прямому пути – бетонной трубе каскада ГЭС, которую в послевоенные годы строили пленные японцы, как и многое другое в Алма-Ате. Петляя по тропам, вышли к космостанции – научной станции для изучения Солнца и космических лучей, построенной в 1957 году. А это как-никак 3200 метров над уровнем моря, то есть высота, на которой уже случается так называемая «горняшка» – высотная болезнь, а значит, от равнинных жителей требуется привыкание и постепенность подъема. Оттуда, не сориентировавшись с направлением, по длинному серпантину спустились назад в город.

Большое Алматинское озеро

Успешный выход – после обсуждения с знающими людьми, по уже определенному маршруту да к тому же с тренировочным, в прямом и переносном смысле, подъемом на высоту над Большим Алматинским озером – должен был даться легче. Теперь питерцы отправились «горными массивами Тургень, Асы, Далашык, Жинишке, Чилик, озерами Кольсай через Кунгей Алатау…» И это стало только началом их большого путешествия.

* * *

Путешествие ленинградцев в лето 1960 года отразилось разным – в образах, жанрах, лицах. Поход был весьма длительным, живописным и жизнерадостным по горным долинам и перевалам Казахстана, Средней Азии, Азербайджана – пешком, автомобильным или гужевым транспортом, на баркасах или пароходах вдоль озера Иссык-Куль и Каспийского моря, с открытием средневековых городов Джамбул, Ташкент, Самарканд, Баку, достопримечательностей малых и больших селений, где двадцатилетнему поэту Иосифу Бродскому явились стихи, песни, рассказы.

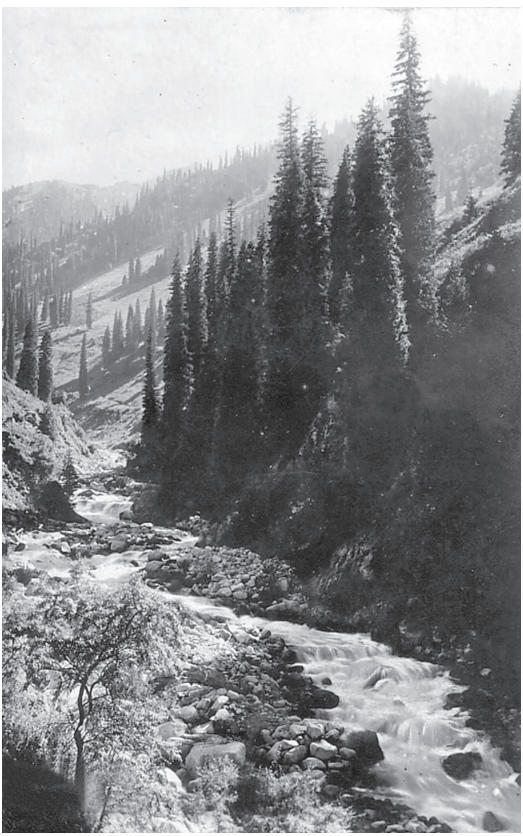
Бродский делал цветными карандашами природные и городские пейзажные наброски, фотографии встреченных им в пути интересных людей и памятников культуры. Иосиф подтверждал этимологию своей фамилии, храбро переходя вброд бурные потоки, а также впоследствии бродя по миру и бродя идеями, как бродит сусло. Переходить реки вброд – в этом скрыто нечто глубоко религиозное, как

вечно обновляемое крещение. Где эти поэтические и художественные наброски тяньшанской экспедиции?

Высланный из СССР ленинградец проживет немного – был болен сердцем – и неожиданно умрет в Бруклине 28 января 1996 года. В июле 1997-го поэта перезахоронят в Венеции по его завещанию. Он не пришел умирать на Васильевский остров, как обещал в своих стихах. А для просторов Отечества Бродский, надо полагать, и не умер. Правда, в пору высылки советскому читателю имя поэта Бродского мало что говорило. С годами он станет всемирно известным русским и американским поэтом и прозаиком, эссеистом и драматургом, переводчиком, лауреатом Нобелевской премии 1987 года «За многогранное творчество, отмеченное остротой мысли и глубокой поэтичностью».

Путники из Ленинграда И. Бродский, В. Королев, Г. Восков прибыли в Казахстан 23 июня 1960 года скорым поездом Москва – Алма-Ата. Остановились гости в гостеприимном и хлебосольном жилище Долгушиных, что было на перекрестке улиц Ленина (ныне Достык) и Шевченко, в доме 13. Везли рекомендательное письмо от знакомой питерки Натальи Долгушиной, старшей дочери казахстанского ученого – биолога, доктора наук И. А. Долгушина, известного орнитолога Приилийской долины, автора многотомной энциклопедии «Птицы Казахстана», основателя музея природы Академии наук. В ту пору Игоря Александровича не было дома, он оказался в командировке – птицеловом в низовьях реки Или.

Питерцы спешили в путь, наспех собирались, нацепив на себя штормовки и горные ботинки – снаряжение, выданное в Москве отцом Иосифа, журналистом А. И. Бродским. Утром следующего дня ленинградская группа самостоятельно, без рекомендаций ученого двинулась штурмовать тяньшаньские просторы вдоль избранного Большеалматинского ущелья, автобусным маршрутом в сторону санатория «Алма-Арасан», местного курорта горячих минеральных вод.



Ущелье Проходное

Собственно, выбрали неопределенный путь для неокрепшего и голодного организма питерца. Впереди туристов ожидал горный маршрут между двумя хребтами – Заилийский и Кунгей Алатау, перевалом Проходной в долину Чон-Кемина. Однако в верховьях реки путники заплутали напрочь, что совершали многие новички перед выбором перевала на Иссык-Куль. Заметим, питерцы избрали мнимую петлю маршрута. И с трудом вышли боковым проходом на поляну, известную многим как аль-

пийский и научный городок – космостанция. Перед ними открылся грандиозный вид на подножье Большеалматинского пика, виднеющегося из города Алма-Аты каменной пирамидой. И чуть ниже – живописное озеро Жасылколь, в просторечье именуемое как Большое Алма-Атинское.

Горы, горы мои. Навсегда белый свет, белый снег, белый свет
до последнего часа в душе, в хоре мертвых имен,
вечных белых вершин над долинами минувших лет,
словно тысячи рек на свиданьи у вечных времен.

Словно тысячи рек умолкают на миг, умолкают на миг, на мгновение вдруг,
я запомню себя, там, в горах, посреди ослепительных стен,
там, внизу, человек, это я говорю в моих письмах на Юг:
добрый день, моя смерть, добрый день, добрый день, добрый день.

Эти строчки из стихотворения И. А. Бродского «В письме на Юг» были посвящены спутнику по путешествию Г. И. Гинзбургу-Воскову.

Иосиф Бродский в горах Тянь-Шаня. 1960 г.

Ложный спуск – или пробная тропа – к Иссык-Кулю по долгой проселочной дороге, вдоль зданий и сооружений каскада ГЭС и редких поселений привел бедолаг вторично на улицы столицы Казахстана. Дома их встретил радушный хозяин Долгушин, незлобно пошутил-пожурил за произошедшее, семьей сели за круглый стол и накормили гостей досыта.

На следующий день заплутавшая было группа пошла в библиотеку Академии наук, дабы подготовиться с картами и описанием к очередному этапу дальнейшего путешествия.

Надо отметить, что орнитолог И. А. Долгушин и его коллеги осваивали в своих изысканиях Большеалматинское ущелье вслед за успешными экспедициями алма-атинских ученых, биологов и писателей В. Н. Шнитникова и М. Д. Зверева. Возможно, что дальнейший поход Бродского со товарищи также был заранее согласован и обеспечен транспортом во всех других местностях. Путешествующим везло. Иначе за короткий срок похода вряд ли можно было освоить столь сложные маршруты от Иссык-Куля до Каспийского моря.

По рекомендации Игоря Александровича и его коллег попутчикам Бродского был предложен традиционный маршрут на берега «киргизского моря». Из века в век совершенный десятками путешественников Старого и Нового Света, – учеными, художниками, геологами, купцами, миссионерами. Через горы Сюгаты и Торайгыр проезжал всадником Чокан Валиханов, сперва на Иссык-Куль, затем – в знаменитую Кашгарскую экспедицию. Гости слушали взахлеб рассказы ученого и уже ощущали себя в пути и на джайляу, где на юге неожиданно открывалась великолепная панорама Жаланашской долины, которая замыкается хребтом Кунгей Алатау.

Проект «Кыргызский фотоархив» сохранил фотографии Иосифа Бродского. Его сезонные работы в геологических партиях Тянь-Шаня. К сожалению не высокого качества, требующие реставрации. Юный Бродский, скажем, пилигрим и первооткрыватель, не только писал философские стихи «О принятии мира», но сам жадно вторгался в этот мир, вращал эту землю молодыми ногами:

Все это было, было.
Все это нас палило.
Все это лило, било,
вздрагивало и мотало,
и отнимало силы,
и волокло в могилу,
и втаскивало на пьедесталы,
а потом – забывало,
а потом вызывало
на поиски разных истин,
чтоб начисто заблудиться
в жидких кустах амбиций,
в дикой грязи пространий,
ассоциаций, концепций
и – просто среди эмоций.

Экспедиция 1960 года прошла пешком горными массивами Тургень, Асы, Далашык, Жинишке, Чилик, озерами Кольсай через Кунгей Алатау к Иссык-Кулю.

В ту пору край изобиловал всей щедростью представительства флоры и фауны: горы и долины были покрыты ковром ольгина эремуруса, неопалимой купины, марьи коревны, пестро-снежных и ярко-радужных трав, цветов и кустарников; всюду паслись отары и табуны тысячи тысяч овец и степных лошадей, обитали стада архаров и тау-теков; среди скал и морен жили редкие ирбисы, индейки – улары; на равнинах и холмах цвели урюковые рощи и яблоневые сады. Можно перечислять многое и многое. Все это было в родном Семиречье, да сплыло за эти полвека вместе с именами первых открывателей и устроителей животного и растительного мира. И перешло в ведомство охраны природы…

Скотопрогонными перевалами Ой-Джайляу и Кызылауыз группа двинулась из Тургенской долины к деревянному мосту через грохочущий и пляшущий Чилик.

Были в пути и курьезные случаи. Однажды на одной из животноводческих ярмарок, на которые собирались со всей округи чабаны, где устраивались конные состязания и чествовались герои социалистического труда, пожилого передовика животноводства наградили настольной электрической лампой. Аксакал долго вертел перед глазами подарок, стараясь понять, в какое место он должен воткнуть штепсель в юрте с керосиновым освещением. Заслуженный чабан повертел лампу, облегченно вздохнул и выбросил ненужную безделицу в арчу.

Здесь казахская семья пригласила гостей отведать национальную кухню. В памяти осталась эта юрта, вечно занятая жена, два быстроногих мальчика. В тот

день Иосиф сделал карандашные рисунки джигитов. Произведения творчества тут же поместили на войлочную стену. Хозяева разделали барана, сварили в большом казане и пригласили гостей к столу. Апашка предложила вилки, но Иосиф сказал: «Не надо!» – засучил рукава и принялся есть с большим энтузиазмом. Георгий с Виктором, естественно, не отставали. После бесбармака, обильного мясного ужина с напитками, бодрящим кумысом и прохладным айраном, гости ночью схватились за животы... Друзья долго вспоминали эту веселую ночевку с песнями под домбру.

Дружелюбным признанием талантов стали преподнесенные туристам горсть сухого сырного курта каждому в карман да кусок ароматного мяса на дорогу. Поблагодарив щедрого хозяина, питерцы оставили чабану для хозяйства фонарик и топорик. Приветливые, но гордые собаки сопроводили их к следующему стойбищу.

Словом, путники отправились далее, где их ждали непредсказуемые и необъяснимые события длительной экспедиции.

Озеро Кольсай

После чудесного времяпрепровождения в долине трех очаровательных озер Кольсай путешественники перевалом Саты начали спуск через Кунгей Алатау к Иссык-Кулю. В этой Богом данной местности, во всем, что окружало путешественников, словно преломлялось и множилось строфами стихотворение-озарение Бродского 1958 года «Пилигримы».

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы

идут по земле
пилигримы...
Увечны они, горбаты.
Голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды дрожат над ними,
и хрипло кричат им птицы...

Произведение не было опубликовано в СССР, но молодежь шестидесятых годов распевала его безымянным под аккомпанемент гитары. О чем эта песня? О сегодняшнем человечестве, бредущем без цели и смысла по планете и понимающем, что ничего никогда не изменится и что все идеи земного рая, еще недавно владевшие людьми, всего лишь иллюзии.

...В пути к городу Пржевальску питерцы обнаружили грузовичок, натружено крутивший колесами под набитым барашками кузовом, и уговорили шофера взять их в дорогу. Машина шла на просторные Кегенские пастбища. Перед городом, нынешним Караколом, ребята облегченно покинули блеющую гоп-компанию, устроили санитарный вечер среди плантаций опийного мака и зарослей облепихи – шырғанақ. Привели себя в порядок и отмылись горько-соленой водой

Каньон реки Чилик

Иссык-Куля. Местные рыболовы угостили путников форелью, сазаном и чебаком. Рыбный пир с напитками и песнями продолжался до самого утра у жаркого и разговорчивого костра.

Самый высокий городок республики принял путешественников гостеприимно, с посещением могилы и памятника, а также музея великого путешественника Н. М. Пржевальского, ознакомлением с достопримечательностями края. Найденные ими по берегам озера предметы оказались памятниками подводной археологии. Городок же прежде всего поразил изысками дунганской кухни – вкуснейшими лагманом и самсой, жаренными в тандыре лепешками.

Здесь была уготована случаем поездка на баркасе в сторону Рыбачьего. Поездка по бескрайнему Иссык-Кулю надолго запомнилась путешествующим. Путники ощутили дыханье властвующих ветров Санташ и Улан, овеянных местными легендами. Суда ходили из Пржевальска в Рыбачье за восемнадцать часов!

Дальнейший путь был снова и снова неожиданностью. Друзья проехали потрясающие по красоте горные места через Орто-Токойское водохранилище, только что построенное на границе Нарынской и Иссык-Кульской областей. Затем, где пешком, где попутной машиной, ленинградцы спустились через Таласский хребет в древний город Тараз (в те поры Джамбул). И поездом отправились в путь, посещая с любопытством и восхищением старинные азиатские города – Чимкент, Ташкент, Самарканд, Красноводск.

На последние деньги жизнерадостные питерцы купили билеты и отправились путешествовать баржей по Каспийскому морю. Здесь им сопутешествовали воскресшие, забытые когда-то в Стране Советов корниловские строки:

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз –
мне Каспийское море по пояс,
нипочём...
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
Нас мотало кругом во мгле –
качка в море берёт начало,
а бесчинствуют на земле.

Вот так и закончились блуждания ленинградцев в Дербенте на станции Прохладная: «...от Махачкалы до Баку волны плавают на боку. И, качаясь, идут валы от Баку до Махачкалы ...» Группа разъехалась в разные стороны, в дали дальние. Георгий Восков (позднее эмигрант, американский художник Гаррик Гинзбург) отправился в Нальчик, на сборы инструкторов горного туризма. Виктор Королев, снабженный родственниками рублями, счастливо сел в поезд на Ленинград. Иосиф Бродский, вечно юный и свободный, решил ехать к отцу.